

Шаинова Г.Б.
**Особенности образной
структуры прозы
Тимура Пулатова**

В статье рассматривается одна из особенностей создания персонажей в философской прозе Тимура Пулатова, в основе которой лежит принцип двойничества. Феномен двойничества имеет различную трактовку, в зависимости от того дан ли он в эпическом произведении или в классическом романе. В романе «Черепаша Тарази» мы видим романский тип двойничества. Романное двойничество, где персонажи противопоставлены как «двойники-антагонисты», воплощено в образах ученого Тарази и судьи Бессаза, отношения которых организуются как противоборство и восходят к мифологической структуре «культурный герой – трикстер».

Два образа романа – ученого, философа, писателя и натуралиста Тарази и его «противоположной» формы судьи Бессаза, ставят на два полюса разный масштаб деятельности героев и это, соответственно, определяет разную модальность изображения этих образов.

Ключевые слова: двойничество, миф, архетип, культурный герой, трикстер.

Shainova G.B.
**Features shaped structure
prose T. Pulatova**

This article discusses one of the features of creating characters in philosophical prose T. Pulatova, which is based on the principle of duality. Phenomenon of duality has different interpretations, depending on whether it is given in the epic work or a classic novel. In the novel «Turtle-Tarazi» we see two types of duality – and an epic novel. Duplicity novel, where the characters as opposed to «double – antagonists» embodied in the images of Tarazi and mullahs Bessaz whose relationships are organized as confrontation and back to the mythological structure of «cultural hero – a trickster.»

Two novel way – a scientist, a philosopher, writer and naturalist Tarazi and his «opposite» form Bessaz judge, puts on the two poles of a different scale of operation of heroes and that, accordingly, defines a different modality images of these images.

Key words: principle of duality, mith, arhetip, cultural hero, trickster.

Шәинова Г.Б.
**Т. Пулатов прозасының
бейнелік құрылымының
өзгешеліктері**

Мақалада Т. Пулатов философиялық прозасында негізінде ұқсастық ұстанымы жатқан кейіпкерлерді сомдау ерекшеліктерінің бірі қарастырылады. Ұқсастық феномені эпостық шығармада немесе классикалық романда көрініс табуына қарай түрліше түсіндіріледі. «Черепаша Тарази» романында біз ұқсастықтың екі түрін ажырата аламыз – романдық және эпостық. Кейіпкерлері кереғар ретінде қарама-қарсы қойылған романдық ұқсастық Тарази мен Бессаз молданың бейнесінде көрініс табады. Олардың қарым-қатынасы тайталас ретінде ұйымдастырылып, «мәдениетті кейіпкер – трикстер» мифологиялық құрылымға барып тіреледі.

Ғалым, философ, жазушы және натурализмді қолдаушы Тарази мен оның қарсыласы төреші Бессаз сынды романның екі бейнесі кейіпкерлер әрекетінің қарама-қарсы жағына орналастырылған, және бұл тиісінше осы бейнелерді суреттеудің әр түрлі қырын анықтайды.

Түйін сөздер: ұқсастық, миф, архетип, мәдениетті кейіпкер – трикстер.

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗНОЙ СТРУКТУРЫ ПРОЗЫ ТИМУРА ПУЛАТОВА

Проблема личности, ее самоидентификация, ее взаимоотношения с реалиями мира – это главные темы современной философской прозы, получившей в современной литературе новое звучание. Человек всегда был и остается центром размышлений философов, изучающих смысл существования, особенности человеческой природы. XX век особенно остро поставил вопрос о человеческом существовании в современном эсхатологическом мире, обратив внимание на процессы человеческого саморазрушения. И обращение писателей к теме человека и судьбы человечества продиктовано стремлением найти причину происходящих в обществе явлений. Поэтому сегодня часто звучит мысль о целостности людей, о связи человечества и Вселенной, о единстве макро- и микромира, человека и природы, что естественно ведет к более внимательному анализу внутреннего мира человека.

Проза большинства писателей стран Центральной Азии развивается по двум направлениям – это социально-философская повесть и мифологическо-философский роман («Долг» А. Нурпеисова, «Дорога людей», «Гонец» А. Алимжанова, «Мертвые бродят в песках» Р. Сейсенбаева, «Черепаша Тарази», «Сторожевые башни», Т. Пулатова, «Плаха», «Тавро Кассандры» Ч. Айтматова, «Земные и небесные странствия поэта» Т. Зульф리카рова и т.д.).

Среди многих писателей современной литературы хотелось бы особо отметить творчество Т. Пулатова. Прозу писателя характеризует синтез восточной и русской культур, их взаимодействие, попытка образно-эмоционального осмысления мира. Пулатов стремится показать взаимосвязь природного и этнического, общечеловеческого и национального, историко-культурного и социально-психологического.

Одной из особенностей творчества художника является принцип создания персонажей. В основе его лежит принцип двойничества. В философии двойственность всех возможных явлений и предметов – одна из основ мироощущения.

Как известно, принцип двойничества на протяжении многих столетий присутствует в литературе. Его проявления мы видим как в мифологии (близнецы, мифы), так и в теме маски и маскарада, которая затрагивает вопросы экзистенциально-

го порядка – поисков истинного «я», проблему (не-) тождественности человека самому себе.

XX век внес немало нового в изучение этого вопроса. Проблема двойничества или двойственности исследовалась такими литературоведами как Е. Мелетинский, М.М. Бахтин, А.К. Жолковский, Л.В. Ярошенко, Н.Т. Рымарь и др.

Е.М. Мелетинский связывает образ двойника в культуре с близнечными мифами и архетипами культурного героя и трикстера: «Альтернатива между вариантами трикстер-брат и трикстер-второе лицо культурного героя не случайна. Здесь использован близнецный миф, а связь и сходство близнецов ведут к их известному отождествлению. Поэтому в этом комплексе заключены и далекие корни мотива двойников и двойничества, получившие глубокую разработку только в XIX-XX веках, начиная с романтиков» [1, 39]. Под двойничеством Е. Мелетинский подразумевает самый распространенный и самый очевидный тип двойничества – «двойники-антагонисты». Среди работ, посвященных анализу литературного феномена двойничества, следует, прежде всего, отметить исследования М.М.Бахтина, в которых декларируется генетическая связь существования двойников с природой карнавального смеха. «Развенчивающий двойник» появляется путем карнавального пародирования и принадлежит «миру наизнанку», являясь частью «карнавализованной литературы». Бахтин связывает с феноменом двойничества пародийность и гротеск как традиционные «двойнические» приемы [2].

Двойничество стало достоянием литературы новейшего времени. Но двойничество как феномен имеет различную трактовку, в зависимости от того дан ли он в эпическом произведении или в классическом романе.

Поскольку роману свойственна форма построения образа героя в диалогических отношениях с миром, то романное двойничество «рождается из встречи противоположных форм ценностного отношения к человеку» [3, 98].

В организации системы персонажей в романе «Черепаша Тарази» значительную роль играет романное двойничество. Образы в «Черепаше Тарази» Пулатова разрабатываются пороманному, в противоположных направлениях: тестудолог Тарази и Бессаз выступают как «высокий» герой и его «низкое» подобие. Это типично романная разработка двойничества, так как «романное двойничество рождается из встречи противоположных форм ценностного отношения к человеку», как сказано было выше.

Травестийным дублером ученого и поэта Тарази является судья Бессаз. Бессаз вносит в сюжет смеховую стихию, он пародирует и профанирует деяния героя-демиурга. Характерной чертой трикстера является «оборотничество», т.е. трикстер может превращаться в животных, птиц, насекомых. Превращение его в черепаху звучит с известной долей иронии. Известно, что во многих верованиях древних народов образ черепахи ассоциировался с основами мироздания, с мудростью и жизненным опытом, и черепаха считалась высоко духовным существом. У Пулатова же черепаха символизирует собой совсем другие людские качества – боязливость, приспособленчество, нежелание задуматься над извечными вопросами бытия. И возможно другое, что еще несет в себе символика этого образа – материальное благополучие и карьерный рост.

Два образа романа – ученого, философа, писателя и натуралиста Тарази и его «противоположной» формы судьи Бессаза, ставят на два полюса разный масштаб деятельности героев это, соответственно, определяет разную модальность изображения этих образов.

Бессаз совершал в своей жизни много неправедных поступков, стремясь удовлетворить лишь собственные амбиции и интересы. За свои поступки и безнравственное поведение Бессаз наказан – обращен в черепаху. Его превращение сродни возврату в прошлое, в лоно праматери, к тому с чего все начиналось – ведь мы все вышли из мира животных, как и Бессаз, ведущий свой род от черепах.

Ученый пытается отыскать некий общий закон жизни, закон перевоплощения в человека и наоборот. В Тарази, как ученом, живет неутолимое желание искать истину. Персонаж этот далеко не однозначный, каким кажется он на первый взгляд. Именно Тарази является главным героем романа. Но не только потому, что он положительный антипод Бессаза. Понятно, что судейский чиновник не интересен нам, как и не привлекает интереса автора. Нам больше интересуют сам Тарази, его мировосприятие и чаяния незаурядного мыслителя, отшельника и путешественника. И драма ученого нас волнует сильнее, чем драма Бессаза – человека, превратившегося в черепаху.

В результате экспериментов, Бессаз на какое-то время снова становится человеком и признается в своих злодеяниях, но не сможет преодолеть в себе темное «звериное» начало. Бессаз вновь костенеет, покрывается панцирем и теряет свои человеческие черты...

Неуловимая природа превращения – общественное зло – мешает ученому. Черепаший склад характера Бессаза берет свое, и человек в страхе перед миром, даже не делая попытки осмыслить его, снова забивается в панцирь черепахи. Характер молодого чиновника, социальная среда, в которой он живет, а самое главное, внутренняя потребность к существованию на уровне инстинктов, без особой надобности в мыслительном аппарате – вот что снова заставит Бессаза стать черепахой.

Тарази не доводит до успешного финала свой опыт. Он терпит поражение.

– «Но в чем ошибка? Одно дело, если зверем его сделало падение, продажничество, нравственный порок... Другое – если это заложено в роду...

– Пока мне трудно... Но думаю, что духовная порча ускорила порчу физическую...» [4, 166]. Таков диагноз тестудолога Тарази.

Если образ Бессаза стоит ближе к образам сказочным (в силу своего превращения), то образ тестудолога совершенно реалистичен. Он похож на образы людей эпохи Средневековья, несших людям огонь знаний и искусства. Тарази живет в то время, когда творческие люди интересовались многим, и никаких границ между физиками и лириками не было. Люди, подобные Тарази, были способны на многое – сделать открытие или же создать прекрасное произведение искусства. Но мыслитель бесконечно одинок. Причины этому разные. Его отшельничество и от незаурядного ума, и от крайнего бескорыстия, и от нетерпения к любой несвободе – как к социальному конформизму, так и к религиозным догмам. У данного восточного просветителя за всю полную странствий жизнь остается всего один ученик и соратник Армон. Но ученик очень молод, к тому же его высокопоставленный отец не одобряет занятия сына тестудологией, всячески стремится помешать сыну. Так что, скорее всего судьба тестудологии после смерти Тарази предрешена.

Фигура древнего ученого в некотором роде типична. В каждом веке живут «пытливые умы», опередившие свое время, и в этот же хронологический отрезок рождаются хвостатые младенцы, которые деградируют в животных. Что происходит с человеком, почему он превращается в животное? И причиной этому становится не нечто потустороннее и непостижимое, не злой неведомый фатум, а копящийся из года в год на генном уровне и вдруг резко перешедший из количественного состояния в качественный интеллектуальный

и эмоциональный распад – жизнь без идеалов и устремлений, без борьбы, жизнь животного. И это ненаказаниесвыше, а вполне осознаваемый закон природы, который даже можно выразить некой формулой: «Саму идею перевоплощения Тарази толковал как закон жизни. Форму изменения, приемлемую для всех живых существ, будь то человек или животное, то есть в голове его зрела всеобщая формула, которую он как ученый хотел применить в своих исканиях» [4, с.39]. И мы доверяем этому мудрецу, потому как знаем его рвение к наукам и желание доподлинно во всем разобраться. Недаром так велико сопереживание читателя с героем. Чувство безнадежности и горечи охватывает, когда понимаешь, что рецепт «танасуха» будет безвозвратно утерян, потому что подобные «колдуны человеческих душ» никогда не были в почете.

Тарази – творческая натура, отдающий своему делу до конца, терпящий лишения из-за постоянной жажды знаний, ведь он «вечный странник, ищущий истину». Лишь только алхимики средневековья собирали дань уважения, потому что обещали реальную выгоду. «Но где они, эти отважные коллеги-ученые? Только Тарази и его ученик Армон из Оруза увлечены тестудологией, все же остальные – от Дамаска до Бухары – колдуют в дыму и чаду, пытаются превратить железо в блестящий, увлекающий, смертельно благородный металл. Тарази больше, чем кто-либо, отдал алхимии, зато раньше всех понял, что занятие это бесплодное, спорил с коллегами во дворе эмира бухарского, пытался доказать, но за то, что сеял смуту в умах ученых и сомнения в душах казнохранителей, был изгнан из родного города на десять лет, чтобы мог он вернуться уже умудренным, верующим, не знающим сомнения» [4, 38].

Размышления над жизнью, выражающиеся в литературных сочинениях Тарази, и научный поиск представляют собой две ипостаси единого целого – стимула его существования. Поиски ученым формулы превращения ведутся как для себя, чтобы утолить постоянную жажду познания природы, и для людей, чтобы возвращать их к нормальной человеческой жизни.

Тарази велик своей добротой и человечностью, а не знанием формулы «танасуха». Он понимает, что причина его трагедии находится в неразрешимом противоречии. Можно придать пресмыкающемуся облик человека, но при существующем положении вещей нельзя добиться стабильности данного облика. Это будет всего лишь «двуногое без перьев, а не Человек».

Тарази уходит, оставив свои попытки, он уходит с мыслью о конце тестудологии, которая со временем забудется людьми. Но ошибка его, совершенная во имя любви к людям, может помочь другим ученым в установке морально-нравственных критериев своей работы. Ибо любая тварь хоть изредка, хоть на миг испытывает тоску – извечную тоску всех ее сородичей по человеческому.

Этими словами о тоске всего сущего по человеческому, по высшему, по духовному, – тоске, служащей залогом неизбежного торжества человеческого заканчивается роман «Черепаша Тарази». Лишь творя добро, любя друг друга, живя в согласии с окружающим миром, мы можем остаться людьми.

Произведения современного прозаика Т. Пулатова несут в себе признаки двойственности еще во многом: раздвоенности жанрового потока, литературных традиций, внутренней-противоречивости целостных героев пространственно-временной характеристике романа. В романе Тимура Пулатова «Черепаша Тарази» мы наблюдаем тесное переплетение реального и условно-мифологического, гротеска с жизнеподобием. Бочаров утверждает, что произведения

Пулатова отмечены явным смещением в аллегоричность, условность, «но условность, которая не нарушает жизненные пропорции, не заменяет реальные фигуры эманацией, а как бы опрощает жизненный материал, чтобы подчеркнуть философскую мысль автора» [5, 531].

Роман писателя погружает нас в давние времена, обстановка его ирреальна. Но Пулатов не уходит от современности. Вопросы «вечности» и «природных законов» лежат в основе романа. В романе звучит мысль о том, что мы должны «слушать голос природы, в котором скрыта мудрость и гармония» [5, 537].

Любое философское произведение – это история души или раздумья о жизни, о ее смысле, вопросы бытия и проблемы взаимоотношений человека с окружающим миром.

Справедливо замечено, что настоящая проза вообще не может не быть философичной. Проблемы, которые ставит писатель – вневременные, сопряжены с экзистенциальным кругом вопросов. В творчестве Т. Пулатова мы видим не только трансляцию самобытности другого мира, но общечеловечность вопросов, поднимаемых писателем, которые вызывают интерес любого читателя.

Литература

- 1 Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. – М., 1994. – 136 с.
- 2 Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Худ. литература, 1990. – 543 с.
- 3 Рымарь Н.Т. Поэтика романа. – Куйбышев: Изд-во Саратов. ун-та, Куйбыш. филиал, 1990. – 254 с.
- 4 Пулатов Т. Черепаша Тарази. – М.: Советский писатель, 1985. – 317 с.
- 5 Бочаров А. Превращение жизни. Послесловие // Пулатов Т.К. Владения: Роман, повести, рассказы. – Кишинев, 1986. – 543 с.

References

- 1 Meletinskij E.M. O literaturnyharhetipah. – M., 1994. – 136 s.
- 2 Bahtin M. TvorchestvoFransuaRableinarodnajakul'turasrednevekov'yaiRenessansa. – M.: Hud. literatura, 1990. – 543 s.
- 3 Rymar' N.T. Poetikaromana. – Kujbyshev: Izd-voSarat. un-ta, Kujbysh. filial, 1990. – 254 s.
- 4 Pulatov T. SHerepahaTarazi. – M.: Sovetskijpisatel', 1985. – 317 s.
- 5 Bocharov A. Prevrashcheniezhizni. Posleslovie // Pulatov T.K. Vladeniya: Roman, povesti, rasskazy. – Kishinev, 1986. – 543 s.